

Во время послеобеденного занятия по сопротивлению феромонам Хасэгаву Тору, как и ожидалось, инструктор в одиночку отвел в изолированный блок.

Шатен довел стратегию страуса до совершенства: когда Онидзука Хатидзо обернулся, он с неестественно спокойным выражением лица произнес:

— Я не боюсь.

Когда Альфа не выражает эмоций, он вполне может сойти за невозмутимого. Однако, даже несмотря на то, что обучение длилось всего два дня, Онидзука Хатидзо, изучив личное дело и понаблюдав за Хасэгавой Тору, уже успел составить полное представление о его характере.

Инструктор, которому в этом наборе «повезло» получить сразу несколько строптивых учеников, нарочито нахмурился. Он не принял слова Хасэгавы всерьез и, недобро усмехнувшись, с ноткой провокации бросил:

— Вот как? Что ж, посмотрим,охранишь ли ты такую невозмутимость, когда снимешь блокатор.

Напускная уверенность Хасэгавы Тору мгновенно улетучилась:

— ...

У-у-у.

Занятия по сопротивлению феромонам не являются самой важной обязательной дисциплиной, но из-за специфики работы полицейских — например, из-за бомб с мощными индукторами или незаконных препаратов, созданных амбициозными исследовательскими институтами, — в программу шестимесячного обучения включили двухнедельный курс спецподготовки.

Инструкторы даже регулировали концентрацию синтетических феромонов в изоляторах в зависимости от физической подготовки курсантов, стараясь удерживать их на грани допустимого. Это означало, что им нужно было постоянно следить за поведением учеников через одностороннее зеркало.

Только вот...

Когда Хасэгава Тору уже вошел в изолятор, Онидзука Хатидзо сурово посмотрел на пять голов, высунувшихся из-за угла, и скрестил руки на груди:

— Если вы закончили спецподготовку и вам больше нечем заняться, может, пробежите пару кругов по стадиону?

— Простите, инструктор! — Датэ Ватару, стоявший выше всех, первым выпрямился и открыто вышел вперед: — Хасэгава — часть нашего класса, а я, как староста, обязан присматривать за

всеми. Поэтому я и позвал их поддержать его.

Не дожидаясь ответа Онидзуки, он добавил:

— Конечно, самовольные действия — это нарушение, поэтому, как только Хасэгава выйдет, мы все вместе отбегаем пять штрафных кругов.

Онидзука Хатидзо:

— ...

Раз уж их обнаружили, они решили просто открыто наблюдать снаружи.

Хасэгава Тору, запертый в изоляторе, даже не подозревал, что снаружи уже собрались все его друзья. Его блокатор феромонов был снят еще до входа, и проносить его внутрь не разрешалось.

Обстановка в камере была предельно аскетичной — казалось, ее специально оформили как комнату для допросов, чтобы усилить психологическое давление на курсантов. Помимо отверстий для подачи феромонов в четырех стенах, помещение было абсолютно пустым. Шатен послушно сидел на неудобном стуле перед столом, на котором лежало несколько предметов, которые он видел впервые.

Искусственные феромоны Омеги пахли неприятно, словно дешевый ароматизатор, от которого кружилась голова. Однако железа Альфы была защищена его собственными феромонами, поэтому искусственные аналоги не могли пробиться сквозь барьер, не говоря уже о том, чтобы атаковать.

И все же этот запах вызывал у Хасэгавы тошноту. Вспомнив феромоны друзей, которые он чувствовал последние два дня, он невольно поджал губы — контраст был слишком велик. Чтобы отвлечься, Хасэгава потянулся к ближайшему предмету... инструменту?

Серебристое металлическое кольцо обрамляло плоскую прямоугольную конструкцию, к которой крепились прочные черные кожаные ремешки.

Что это? Маска? Ее нужно застегивать на затылке?

Хасэгава Тору с любопытством вертел предмет в руках и даже приложил его к лицу, примеряясь.

— Он выглядит так... будто понятия не имеет, что это намордник... — Хагивара Кэндзи, слабо прислонившись к стене, попытался выбросить эту картину из головы.

Красивый шатен в комнате для допросов сидел с невинным видом и послушно примерял намордник, словно ручной щенок в стеклянной клетке, ожидающий команды хозяина.

— Так! Хватит об этом думать!

Хагивара даже пожалел, что в старшей школе интересовался подобными вещами. Он зажмурился, пытаясь применить к себе заклинание забвения, но, разумеется, магл не умеет колдовать, так что попытка ожидаемо провалилась.

Да и ладно.

Люди по своей природе ценят красоту, тем более, что этот Альфа был необычайно хорош собой. Что такого в том, что он общается с ним из чисто эстетических соображений? Разве не из-за того, что Мацуда Дзимпей был самым красивым мальчиком в классе, он в свое время первым подошел к нему, чтобы подружиться? Это совершенно нормально, решил Хагивара.

Намордники в изоляторах, конечно, были нужны для предотвращения потери контроля у Альфы, даже если имелись хоть малейшие предпосылки к этому.

— Честно говоря, эта концентрация даже слабее моих феромонов, волноваться не о чем, — Мацуда Дзимпей взглянул на показатели монитора и махнул рукой.

— Раз так, может, усилим? — Онидзука Хатидзо посмотрел на Альфу, который свободно двигался внутри, и, поработав с панелью управления, поднял несколько значений.

Мацуда Дзимпей:

— ...Ой.

Кудрявый Омега понял, что сболтнул лишнее, и стоически принял гневные взгляды товарищей.

Воздух наполнился удушливым запахом. Альфа недовольно нахмурился. Он побледнел, инстинктивно сжавшись, но заставил себя расслабиться.

Хасэгава Тору прекрасно понимал: если он выбрал этот путь, то не сможет всю жизнь носить блокатор. Так почему бы не воспользоваться шансом и не победить этот страх? Но то, что называют психологической травмой, невозможно преодолеть по щелчку пальцев.

Хасэгаве казалось, что время растянулось. Его дыхание стало тяжелым, и он невольно выпустил собственные феромоны для защиты.

Хотя Мацуда Дзимпей учил его, как защищать железу, фантомных болей, как в прошлый раз,

не возникло. Но и так продолжаться не могло. Альфа дрогнул ресницами и, помедлив несколько секунд, отозвал свои феромоны.

В тот же миг, когда на него хлынули феромоны Омеги, он судорожно сжал предмет в руках. У Хасэгавы была большая сила, и он буквально смял намордник, превратив его в бесформенный кусок металла.

Но ему было не до угрызений совести из-за порчи казенного имущества. Зрачки шатена сузились, он изо всех сил пытался заставить себя не двигаться, грудь тяжело вздымалась.

Ты в безопасности.

Никто не причинит тебе вреда.

Тору.

Расслабься.

Прежде чем Хасэгава Тору провалился в бездну кошмара, его сильно тряхнули. Первое, что он увидел, — сияющие золотистые волосы. Он моргнул глазами, влажными от слез, и растерянно прошептал:

— ...Рэй? Ты как...

Только открыв рот, он почувствовал, что голос охрип, а на губах остался металлический привкус и жжение.

Пришел в себя.

Фуруя Рэй с облегчением выдохнул.

Никто не ожидал, что Хасэгава Тору внезапно снимет защиту со своей железы и полностью подставится под действие высокой концентрации синтетических феромонов.

Мацуда Дзимпей первым заметил неладное — состояние Хасэгавы напоминало то, что было два дня назад во время первого приступа галлюцинаций. Он быстро нажал несколько кнопок на панели, перекрыв подачу газа и включив систему очистки.

А Фуруя Рэй уже выбил дверь и бросился внутрь.

Онидзука Хатидзо тоже не ожидал, что Альфа окажется настолько безрассудным. Это же тренировка на [сопротивление], а не на то, чтобы убрать свою защиту и сдаться!

Он мрачно посмотрел на Хасэгаву Тору, которого уже приводили в чувство, и мысленно наметил план дальнейших мер.

— Ты в порядке, Тору? — Морофуси Хиромицу тревожно коснулся холодного лба друга.

Хасэгава Тору подавленно покачал головой. Он и сам понимал, что тренировка провалена.

— Постепенность, нужна постепенность, — Мацуда Дзимпей стоял рядом, скрестив руки на груди, его тон был резким. — Ты что, не знаешь, как пишется это слово? Нетерпеливость — худший враг.

— Не похоже, чтобы эти слова произносил ты, Мацуда, — Фуруя Рэй, убедившись, что с Хасэгавой все в порядке, не удержался от колкости.

— Ха? — Мацуда недовольно нахмурился. — И что не так в моих словах?

Хагивара Кэндзи взглянул на помрачневшего Онидзуку, прочистил горло и придержал обоих за плечи:

— Ладно-ладно, ребята, давайте не будем выяснять отношения.

К удивлению всех, Онидзука Хатидзо не стал ничего говорить, лишь перед уходом велел Хасэгаве Тору готовиться к следующей тренировке.

— Кажется, легкая жизнь Тору-тяна скоро закончится, — Хагивара вспомнил взгляд инструктора и с жалостью потрепал поникшего Альфу по голове.

Датэ Ватару увидел, что Хасэгава пришел в себя, и подтолкнул остальных к выходу:

— Пойдемте, у нас еще пять кругов штрафных.

Шатен поспешно вскочил:

— Я с вами.

Но Морофуси Хиромицу остановил его:

— Иди отдохни, восстанови силы.

Хагивара Кэндзи с улыбкой приобнял друга за плечи и обернулся:

— Точно! А если Тору-тян так хочет побегать, то через пару дней у нас общеполицейский марафон. Там придется бежать целый день.

Хасэгава Тору упрямо нахмурился:

— Это другое. Вы же получили штрафные круги только из-за меня.

Мацуда Дзимпей отмахнулся:

— Не ной. Сказали отдыхать — значит, отдыхай. Мало ли еще будет этих кругов?

Видя, что все настроены решительно, Хасэгава Тору сдался. Но он не пошел в общежитие, а остался сидеть у края стадиона, дожидаясь, пока они закончат бег.

— Хиро, — Фуруя Рэй взглянул на шатена, сидевшего на другом конце поля, и понизил голос: — Тебе не показалось, что Тору вел себя странно?

Морофуси Хиромицу, конечно, заметил это странное упрямство.

Он тоже посмотрел на Альфу, который без дела сидел на траве. Тот заметил их взгляд, помахал рукой и улыбнулся. Даже через все поле было видно, насколько яркой была эта улыбка.

— ...Должно быть, уже все в порядке.

В ней не было ничего необычного.

<http://bllate.org/book/18699/1807267>